

О философских чувствах и действиях

Михаил Эпштейн

Вопросы философии, 7, 2014. — С. 167 – 174.

В статье высказывается предположение, что, вопреки распространенным мнениям и энциклопедическим дефинициям, философия не сводится к мышлению. Чувства и действия, если они относятся к мирозданию в целом, к основам бытия, могут быть не менее философскими, чем идеи и понятия. Рассматриваются разные виды и проявления философских чувств и на этой основе выделяется особый, лирический род философии, а также делается вывод о лиричности философии как таковой. Отсюда и новое понимание задач философского образования как воспитания мирообъемлющих чувств, которые, в свою очередь, могут вести к мирообъемлющим действиям.

The article suggests that, contrary to widespread opinions and standard encyclopedic definitions, philosophy is not limited to thinking. Feelings and actions, if they are addressed to the world as a whole, to the foundations of being, can be considered no less philosophical, than ideas and concepts. The article examines various kinds and manifestations of philosophical feelings, identifies a special, lyrical genre of philosophy, and makes conclusion about the lyricism of philosophy as such. This explains new tasks of philosophical education as development of world-embracing feelings which, in their turn, can lead to world-embracing actions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: философия, философское чувство, мудрость, мышление, мыслечувствие, удивление, сентиментальное воспитание, философская лирика, лирическая философия, философское действие, философский образ жизни, универсалии, антропный принцип, Аристотель, Ницше.

Key words: philosophy, philosophical feeling, wisdom, thinking, thought–feeling, wonder, sentimental education, philosophical lyrics, lyrical philosophy, philosophical action, philosophical way of life, universals, anthropic principle, Aristotle, Nietzsche.

Чувствительное сердце есть богатый источник идей...

Николай Карамзин

Есть люди, которые умом создают себе сердце, другие — сердцем создают себе ум: последние успевают больше первых, потому что в чувстве гораздо больше разума, чем в разуме чувств.

Петр Чаадаев

Философия - не только мышление

Мы привыкли отождествлять философию с мышлением. Словосочетание "философская мысль" представляется самоочевидным, почти тавтологичным: философия есть мысль в ее высшем развитии. Ни в одном словарном определении философии - а их десятки и сотни - нет упоминания о философских чувствах, эмоциях, переживаниях. В англоязычном интернете словосочетание "философская мысль" (philosophical thought) встречается в сто раз чаще, чем словосочетание "философское чувство" (philosophical feeling) – соответственно 651 000 и 5 600, а в рунете — в пятьдесят раз, 332 000 и 6 500. Это говорит об огромной диспропорции рациональных и эмоциональных составляющих философии в общепринятых воззрениях на ее природу.

Мне представляется, что философскими бывают не только мысли, но и чувства. Среди многообразия чувств можно выделить такие, которые обращены к миру в целом, к законам бытия, к природе человека и благодаря своей универсальности поднимаются до ранга философских. Да и вообще почему *фило-софия*, как *любовь к мудрости*, должна проявляться только в мыслях, а не в чувствах? Ведь любовь

– это чувство, да и мудрость – не только мысль, а скорее мыслечувствие, сплав того и другого: способность эмоционального наполнения мысли и интеллектуального наполнения чувства.

В "Притчах Соломона" Премудрость говорит о себе и о Боге: "...я была при Нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицом Его во все время, веселясь на земном кругу Его, и радость моя *была* с сынами человеческими. (Притчи Соломона, 8:30, 31). Здесь Премудрость представлена прежде всего в полноте своих чувств, как *радость* и *веселье* перед лицом Бога, и она разделяет эту радость с теми, кто любит ее.

Так какое же право имеет *любовь к мудрости* иссушать себя до рассудочных категорий и пропозиций, эмоционально опустошаться до аналитических суждений? Мысль сама по себе еще не образует софийной целостности.

Чем философские чувства отличаются от нефилософских?

Философская мысль отличается от нефилософской тем, что охватывает законы мироздания в целом. "Ваня – дурак" – мысль не философская, а "род человеческий глуп" уже философична. Точно так же обида на грубого, надоедливого соседа не входит в диапазон философских чувств, а горечь от несовершенства мироздания – входит.

У философски чувствительного человека отношение к миру превращается в эмоциональную драму. Его мучают, радуют, потрясают не отдельные явления, а мироздание в целом. "Екклесиаст" – книга философических чувств и переживаний. "И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо все - суета и томление духа!" [Еккл 2:17] Это мысль или чувство? Очевидно, чувство, коль скоро оно выражается словами "возненавидел", "противны стали". Но предметом этого чувства являются не отдельные лица и события, а "жизнь" как таковая и "все дела, которые делаются под солнцем". И разрешается это чувство обобщающей мыслью: "все - суета и томление духа!" Мысль и чувство переходят друг в друга, поэтому можно говорить о философском *умо-настроении* или философском *мысле-чувствии*.

Предмет философских чувств - бытие как таковое и универсалии: единство и множество, свобода и необходимость, жизнь и разум, пространство и время, случай и закон. Чувство потерянного времени вследствие того, что не успеваешь выполнить намеченное, - это просто чувство. Но меланхолия всеобщей брэнности и обреченности, неумолимого хода вещей, разрушающего все привычное, - это философское чувство.

В пушкинской трагедии Сальери испытывает к Моцарту не житейскую, но *философскую* зависть: зависть алгебры к гармонии, чувство величайшей несправедливости, доходящее до философского негодования. Мир неправильно

устроен, если гуляке праздному достается гений, в котором отказано великому труженику. "Нет правды на земле.... Но правды нет и выше!"

Философическими могут быть боль и скорбь, если они переживаются за все человечество. "Я взглянул окрест меня - душа моя страданиями человечества уязвлена стала". Это начало радищевского "Путешествия из Петербурга в Москву" стало началом и всей русской философии, которая замешана на чувстве страдания и сострадания, на карамазовском вопросе об оправданности детской слезинки.

Еще одно важное философское чувство - удивление, которое Аристотель считал родоначальником философии как таковой, да и знания вообще. "Ибо и теперь и прежде удивление побуждает людей философствовать, причем вначале они удивлялись тому, что непосредственно вызывало недоумение, а затем, мало-помалу продвигаясь таким образом далее, они задавались вопросом о более значительном, например о смене положения Луны, Солнца и звезд, а также о происхождении Вселенной. Но недоумевающий и удивляющийся считает себя незнающим..." [Аристотель 1975, 69]. Аристотель показывает как житейское удивление переходит в философичное по мере того, как оно распространяется на "более значительное", на основы бытия, на происхождение Вселенной и т.п. Удивление - эмоция столкновения со странным, неизвестным, непонятным - побуждает задавать вопросы о природе привычных вещей, а тем самым и углубляться в их причины и далее в причины причин, до самых глубинных оснований всего сущего, которые и исследуются метафизикой.

Если удивление - начало философии, то оно же, в единстве с чувством благоговения, - и ее итог, как явствует из признания Иммануила Канта: "Две вещи наполняют душу постоянно новым и возрастающим удивлением и благоговением и тем больше, чем чаще и внимательнее занимается ими размышление: звездное небо надо мной и нравственный закон во мне" [Кант]. Следовательно, не только удивление побуждает размышлять (Аристотель), но и размышление ведет к еще большему удивлению (Кант). Собственно, цель философии - не объяснять окончательно тот или иной предмет, а вести вглубь непознанного и непознаваемого, от тайны к тайне, от поверхностных чувств ко все более глубинным.

Диапазон философских чувств чрезвычайно широк:

Философское презрение - презрение к тем мелким обстоятельствам, частностям, жизненной суете, которые отвлекают от главного, от поиска смысла жизни, от выполнения своего высшего предназначения.

Философский гнев - гнев против несправедливого мироустройства, которое одним дает все, другим ничего, праведных мучит, а нечестивых убагаживает.

Философское беспокойство - это тревога об ускользающем смысле целого, о том, что мир лежит в обломках и мысль не может собрать его воедино.

Философский страх - страх перед бытием, потому что оно непознаваемо, или перед небытием, потому что оно опустошительно, страх за свое маленькое "я", несоизмеримое с бесконечностью мироздания.

Философская грусть - грусть о том, что все проходит, нет ничего вечного под Солнцем, даже великие дела и люди обречены на забвение и живая собака лучше мертвого льва.

Философская мука описана в "Идиоте" Достоевского: "Мучило его то, что всему этому он совсем чужой. Что же это за пир, что ж это за всегдашний великий праздник, которому нет конца и к которому тянет его давно, всегда, с самого детства, и к которому он никак не может пристать. Каждое утро восходит такое же светлое солнце... каждая-то травка растет и счастлива! И у всего свой путь, и всё знает свой путь, с песнью отходит и с песнью приходит; один он ничего не знает, ничего не понимает, ни людей, ни звуков, всему чужой и выкидыш. О, он, конечно, не мог говорить тогда этими словами и высказать свой вопрос; он мучился глухо и немо..."

Философское умиление. Допустим, я испытываю умиление, видя, как маленькое деревце упорно противится ветру, сгибается под его порывами, но потом выпрямляется. При этом я начинаю сопереживать всему слабому и восхищаться его внутренней силой, упорством и несгибаемостью малых сих. Именно такой род чувств лежит в основании книг даосизма, китайской мудрости, утверждающей, что гибкое и податливое сильнее твердого и жесткого.

Любое чувство, достигающее универсальности, может стать философским. Вообще философски значимая граница проходит не между мыслями и чувствами, а между житейскими, эмпирическими - и бытийными, универсальными мыслями и чувствами. И здесь нужно поставить вопрос о природе самих универсалий, составляющих область философии. Под универсалией понимается общее понятие, общий признак многих явлений, например, "дом", "число", "ум", "животное", "человек", "тяжелое", "желтое". Но универсалией может быть и "радостное" и "печальное", "удивительное" и "умилительное", "страшное" и "скучное", если оно у большинства людей вызывает соответствующие чувства. Дело не в том, что чувство может стать предметом философского размышления, а в том, что чувство, обретая универсальность, само становится философическим. Философично не только *мыслить о радости*, но и *испытывать радость*, если эта радость обращена не к конкретным событиям или ситуациям, но ко множеству вещей, к построению мироздания в целом, к законам бытия. Можно назвать такие универсальные чувства или философские сантименты "унисентименталиями" (unisentimentals).

Призвание философии

Я полагаю, что призвание философии - формировать не только наши мысли, но и чувства, способствовать их развитию и углублению. Не только интеллектуально объяснять мир, но делать нас чувствующими гражданами мироздания, т.е. восходить от чувств единичных, ситуативных, житейских - к мирообъемлющим.

Эту задачу можно описать стихами Уильяма Блейка, заменив в них "видеть" на "чуять" (в значении "чувствовать"):

В одном мгновенье *чуять* вечность,
 Огромный мир - в зерне песка,
 В единой горсти - бесконечность
 И небо - в чашечке цветка.

Чувство более сопряжено с целостной личностью и завладевает ею более бытийно и событийно, чем отвлеченная мысль. Философия, которая ограничивается только мыслями, суждениями, силлогизмами, анализом понятий, не доходит до уровня мудрости, т.е. не выполняет своего дисциплинарного предназначения. Великие философы: Платон, Кант, Шеллинг, Кьеркегор, Ницше, Соловьев, Хайдеггер, Ясперс, Сартр, Бердяев - проникнуты философскими чувствами и страстями, которые и определили масштаб их мысли. Без переживания мысль мелка и тавтологична. Чувство, вложенное в понятия, но из них логически не выводимое, отличает синтетические суждения от аналитических. Сравним аналитическое суждение: "Все холостяки неженаты", - и синтетическое (апостериорное): "все холостяки несчастливы". В первом связь понятий основана на логическом анализе, во втором – на эмоциональном опыте. Когда Паскаль пишет о человеке: "мыслящий тростник", он вкладывает в это философское утверждение и сострадание к человеку, и восхищение им. "В отношении пространства, вселенная обнимает и поглощает меня как точку; мыслью же своею я обнимаю ее. <...> Мысль, стало быть, по природе своей есть нечто удивительное и несравненное" [Паскаль] Аналитическая философия лишена больших философских чувств, и напротив, синтетизм философского суждения может быть основан на их "взлетах" и "перепадах".

Одни философии более тяготеют к мысли, другие - к чувству. Например, гегелевская философия умозрительна, спекулятивна и ближе к логике (не случайно ее ядро - "Наука логики"), тогда как ницшевская философия - "веселая наука", и вообще не наука, а скорее мораль, причем имморальная. Она кипит страстями, далеко не всегда добродетельными: там и гнев, и обида, и страдание, и восторг, и месть, и отвращение, и любовь, и злость. У Ницше чувства порой перехлестывают мысль, подавляют ее, делают ее чрезмерно раздражительной, экстатической. Еще больше этим эмоциональным недержанием страдает Василий Розанов: он часто экстраполирует свои чувства за пределы мыслей, которые остаются мелкими или тривиальными:

"Итак, мы с мамой умрем и дети, *погоревав*, останутся жить. В мире ничего не переменится: ужасная перемена *настанет только для нас*. "Конец", "кончено". Это "кончено" не относительно подробностей, но *целого, всего* - ужасно" [Розанов]

Здесь чувство есть: "ужасно", - а от мысли остается только та банальная констатация, что все кончается для умерших, а мир остается неизменным. Вообще

англо-американская аналитическая философия и континентальная экзистенциальная философия (в том числе русская) - два крайних предела, за которыми мышление и чувство порой склонны освобождаться друг от друга. Как их воссоединить?

Призвание философии именно в том, чтобы мыслями раздвигать область чувств, придавать им всеобщность, – и чтобы чувствами раздвигать область мыслей, придавать им действенность. Философии необходимо пройти курс сентиментального воспитания, чтобы приобрести способность, по выражению исихастов, "погружать ум в сердце", переживать то, что она мыслит. Воспитание предельно емких чувств, относящихся к миру и к человеку, - важнейшая часть философского образования. На философских факультетах изучают различные школы, системы, идеи, но важно не только постигать категории мысли, т.е. образовывать свой ум, но и развивать философские чувства, способы переживания мира, удивляться великому в малом, страдать от неразрешимых противоречий бытия, воодушевляться диалектикой и т.д.

Без понимания философских чувств мы не поймем и хода истории, тех величайших событий, которые происходят под их воздействием. Маркс писал, что когда идеи овладевают массами, они становятся материальной силой. Но массами овладевают не просто идеи, а идеи-эмоции, всеохватывающие чувства, которые равнообъемны и равномощны идеям, относятся не к частному, а к коллективному опыту, распространяются на жизнь общества или всего человечества. Исторические процессы не в меньшей степени, чем индивидуальное поведение, диктуются эмоциями, только иного масштаба. Революцию совершает философская эмоция несправедливости мироустройства, озлобленности на существующий порядок вещей. Научными открытиями движет удивление перед загадками мироздания. В основе художественных произведений и технических изобретений лежит радость обретения свободы, позволяющей преодолеть сопротивление косного вещества и творчески преобразовать мир.

Лирическая философия: петь умом.

Что же делать? Стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь духом, буду петь умом.

Первое послание к Коринфянам, 14:15

Бывают такие состояния ума, когда он воистину начинает петь. Мысль переполняется музыкальным ритмом и восторгом самовыражения - но при этом остается именно мыслью, выстраивается в ряды понятий, предпосылок, заключений, как у Ф. Ницше в "Так говорил Заратустра":

"Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке!

Сверхчеловек - смысл земли. Пусть же ваша воля говорит:

да будет сверхчеловек смыслом земли!
 Я заклинаю вас, братья мои, *оставайтесь верны земле*
 и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах! Они
 отравители, все равно, знают ли они это или нет....
 Я люблю тех, кто не умеет жить иначе, как чтобы погибнуть, ибо идут они
 по мосту.
 Я люблю великих ненавистников, ибо они великие почитатели и стрелы
 тоски по другому берегу" [Ницше 1990, 8,10].

Что это - философская лирика? Или это философия, но только лирическая,
 требующая присутствия лирического "я" и выражающая от первого лица прямые
 акты воли, обращенные к "вы": "я учу", "я заклинаю", "пусть ваша воля...", "не
 верьте тем..."

Ницшевский лиризм можно сравнить с поэтическим, например, у А. Пушкина:

"Но не хочу, о други, умирать.
 Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать"

или:

"Дар напрасный, дар случайный,
 Жизнь, зачем ты мне дана?
 Иль зачем судьбою тайной
 Ты на казнь осуждена?"

Разница в том, что Пушкин не определяет и не систематизирует понятий "мысли",
 "страдания", "случайности", "судьбы" и т.д. Он сосредоточен на лирическом "я",
 через которое проходят разные побуждения, переживания, в том числе обращенные
 к высшим ценностям, к смыслу жизни. Ницше, наоборот, фокусируется именно на
 понятии "сверхчеловека" и систематически развивает его через весь "трактат-
 поэму", но развивает именно лирическим способом, как непосредственное воление
 мыслящего "я", взыскующего перехода от человека к сверхчеловеку. Это и есть
 лирическая философия, *лирософия*, где лирика служит философии, в отличие от
 философской лирики, где философия служит лирике.

Между тем, что такое *философская лирика*, понятно каждому: Омар Хайям, Дж.
 Донн, И. В. Гете, Ф. Тютчев, Р.М. Рильке, Н. Заболоцкий... А вот для *лирической*
философии пока что не нашлось места в системе понятий. Даже если посмотреть по
 Гуглу: в русскоязычном интернете первое словосочетание встречается на полутора
 миллионах сайтов, а второе – всего 3 630, т.е. в соотношении 416:1. В
 англоязычном интернете соотношение 2:1, но следует учесть, что здесь гораздо
 более популярно выражение "метафизическая поэзия" ("metaphysical poetry"),
 которое встречается в 27 раз чаще, чем "поэтическая метафизика" ("poetic
 metaphysics"), соответственно 209 000 и 7 800. Между тем очевидно, что в
 философии есть место лиризму не меньше, чем в лирике - философизму. А.

Августин, М. Монтень, С. Кьеркегор, Ф. Ницше, Р. Эмерсон, В. Розанов, Г. Марсель - это, в значительной своей части, лирическая философия, т.е. совокупность философских суждений от первого лица, прямое самовыражение мыслящего субъекта. И однако в каталогах даже крупнейших библиотек, где присутствуют самые экзотические рубрики, от "философии спорта" до "философии чучхэ", - нет рубрики "лирической философии".

При этом *лиризм как род философии* нельзя отождествлять ни с одним ее направлением. Экзистенциальная философия может быть лирической, как у Кьеркегора, а может быть эпической, как у Хайдеггера в "Бытии и времени". Точно так же и идеализм может быть лиричным (например, у П. Флоренского в "Столпе и утверждении истины") или не-лиричным (Вл. Соловьев). Уж на что, кажется, нелиричен материализм - но у Л. Троцкого и В. Бенямина можно найти примеры лирического марксизма. Можно, очевидно, говорить и о лирической теологии, например, в "Исповеди" Аврелия Августина – по контрасту с эпической теологией Фомы Аквинского.

Обсуждая разные философские направления, концептуальные системы, мы часто забываем о том, что философия, как всякая словесность, разделяется на роды и жанры, которые отчасти пересекаются с литературными. *Лирическая философия* заслуживает рассмотрения как особый, малоизученный род философской словесности, раскрывающей волевые акты и интенции мыслящего "я" в процессе его самосознания.

Мы знаем от Канта, что субъект неустраним из актов своего суждения о мире. Обычно философия стесняется своего лиризма и прячет его за претензиями на познавательную объективность, "научность". Лирическая же философия не скрывает своей укорененности в мыслящем субъекте и выражает ее системно. При этом *субъектность* (subjecthood), как источник философских чувств и способ самовыражения трансцендентального (в кантовском смысле) субъекта, следует отличать от чисто личной субъективности (subjectivity), присущей эмпирическому индивиду со всеми его личными наклонностями и переживаниями. Именно поэтому лирический образ философствующего "я" нужно отличать от биографического "я" автора; лирический герой философии часто выступает под гетеронимом, как ницшевский Заратустра или кьеркегоровские концептуальные персоны.

В каждом акте самопознания мы выходим за пределы себя как предмета познания, т.е. становимся "сверхчеловеками" по отношению к самим себе. Теорема Геделя о неполноте говорит о невозможности полного самоописания системы в рамках ее собственных аксиом, что ведет к динамике самой системы, ее переходу на новый уровень бытия. Лиризм философии – это и есть признак превосходства субъекта самопознания над собой как объектом, способ его самотрансценденции.

Таким образом, в более широком плане можно говорить не только о *лирическом роде* философии, но и о *лиризме философии* как таковой. Едва ли не главный

вопрос философии – что такое сама философия, каково ее место в мире? Поскольку у философии, в отличие от более частных наук, нет своего отдельного, "позитивного" предмета, она постоянно занята условиями своей собственной возможности и/или необходимости. Поэтому все крупнейшие философы, от Платона и Аристотеля - через Канта и Гегеля - до Хайдеггера, Делеза и Деррида, в центр своих учений ставят вопрос о том, что такое философия и почему именно в их мышлении она получает самое полное обоснование. Философия насквозь саморефлексивна, обращена на себя, - и в этом плане соразмерна человеку, который, в отличие от прочих существ, не имеет заранее заданного места ("эко-ниши") в бытии и занят его поиском и обоснованием, прежде всего опять-таки через философию. Если человек – это животное, ищущее самого себя, то философия – это дисциплина, ищущая самое себя, занятая самоопределением.

Отсюда неизбежный, "родовой" лиризм философии, ведь обращенность субъекта на себя составляет суть лиризма. Философия лирична в том смысле, что постоянно говорит и мыслит о самой себе, о своих задачах, возможностях, границах, о том, что значит быть философом и почему мир нуждается в философии. По Аристотелю, метафизика – единственная из наук, цель которой – она сама. "И так же, как свободным называем того человека, который живет ради самого себя, а не для другого, точно так же и эта наука единственно свободная, ибо она одна существует ради самой себя" [Аристотель 1975, 69]. Эта обращенность философии на себя определяет глубинный лиризм не только отдельных мыслителей, как Кьеркегор или Ницше, но и философии как таковой. В этом смысле и философия Гегеля, внешне наукообразная и "объективистская", на самом деле в целом, как проект и метод мышления, глубоко лирична, поскольку она рассматривает всю историю мироздания как пролог к самой себе, как *самопознание* абсолютной Идеи и ее *самоотражение* во всех зеркалах природы и общества. Вот почему тема лиричности в философии мне представляется не случайной, не "одной из", а центральной для философии как опыта *самообосновывающей* и *самосозерцающей* мысли.

Философские действия

Наряду с философскими чувствами следует признать и философский статус действий. Это поступки, мотивированные философскими мыслями и/или чувствами и направленные на мир в целом, выражающие целостное миропонимание и мирочувствие.

На первый взгляд, наиболее философски должны действовать политики, особенно руководители государств и больших международных организаций, поскольку от них в наибольшей степени зависят судьбы мира. Но политические действия отличаются от философских тем, что чаще всего диктуются соображениями практической целесообразности, консолидации власти, экономической выгоды, классового или корпоративного эгоизма, личного честолюбия и т.д. Лишь у очень

немногих государственных деятелей, таких, как В. Ленин, М. Ганди, У. Черчилль или Мао Цзедун, в основе политических действий хотя бы отчасти лежит философская мотивация. Но если, например, человек долго и утомительно отгоняет от себя комара вместо того, чтобы прихлопнуть его одним ударом, потому что в принципе не хочет лишать жизни даже ничтожное насекомое, то, как бы ни было мелко данное действие (или бездействие), оно может считаться философским. Неубиение комара в этом случае выражает сострадание всему живому и представление о жизни как наивысшей ценности.

Политические действия, как правило, влияют на мир экстенсивно, умножая число объектов (граждан, территорий, этносов, организаций), подвергающихся такому воздействию, и в этом смысле они, как ни парадоксально, более ограничены, чем действия одиночек, напрямую решающих проблемы своих частных отношений с мирозданием в целом. Конечно, Наполеон по масштабу своих деяний философичнее какого-нибудь бездумного обывателя, но единственный поступок Кьеркегора, отказавшегося от брака с Региной Ольсен, по сути философичнее имперских завоеваний Наполеона.

Философскими действиями, или "мыследействиями", изобилует жизнь персонажей Федора Достоевского, для которых самое важное - "мысль разрешить". Самоубийство Кириллова в "Бесах" и преступление Раскольникова - это, несомненно философские действия, как и безучастность Ставрогина, наблюдающего самоубийство соблазненной им Матрешы, или отъезд Ивана Карамазова в Москву, позволивший Смердякову убить Федора Карамазова.

Столь же философично действуют персонажи Андрея Платонова. Например, Воцев из "Котлована" собирает самые ненужные вещи, чтобы докопаться до их тайного смысла - и оправдания перед лицом вечности.

"Воцев подобрал отсохший лист и спрятал его в тайное отделение мешка, где он сберегал всякие предметы несчастья и безвестности. «Ты не имел смысла жизни, — со скупостью сочувствия полагал Воцев, — лежи здесь, я узнаю, за что ты жил и погиб. Раз ты никому не нужен и валяешься среди всего мира, то я тебя буду хранить и помнить»".

Нет ничего более ничтожного и пустого, с прагматической точки зрения, чем это подбирание первого попавшегося листка - и ничего более философски значительного, потому что эта "ненужность" служит космодицее, проверке осмысленности бытия как такового.

Философское действие - это утверждение или отрицание определенной концепции мироздания, это эксперимент над миром в целом, в какой бы конкретной точке это действие ни производилось. Более того, именно отнесенность к миру как к целому позволяет сократить реальный масштаб философского действия до наименьшего из возможных: убить (или не убить) не толпу людей, а одну только никому не нужную старуху или, коль скоро ставится вопрос об отношении ко всему живому, даже

только одного комара. Собрать и сберечь не коллекцию бриллиантов (это действие коммерческое или эстетическое), а лишь один засохший листочек. Подобно тому, как физики исследуют природу мироздания через анализ его наименьших составляющих: атомов, квантов, элементарных частиц, - так и философия может "испытывать" мироздание через мельчайшие и вместе с тем мирообъемлющие действия, которые решают вопрос о свободе (или несвободе) воли, о ценности (или ничтожестве) жизни, о соотношении временного и вечного и т.п.

Наконец, совокупность философских действий, если они принимают систематический, последовательный характер, может складываться в *философский образ жизни*. Например, Генри Торо, руководствуясь своей философией трансцендентализма, два года прожил в построенной им хижине на берегу Уолденского пруда, стараясь обеспечивать себя самостоятельно всем необходимым. Этот мировоззренческий опыт по уединению от общества описан в его книге "Уолден, или Жизнь в лесу": "Я ушел в лес потому, что хотел жить разумно, иметь дело лишь с важнейшими фактами жизни и попробовать чему-то от нее научиться, чтобы не оказалось перед смертью, что я вовсе не жил... Я хотел погрузиться в самую суть жизни и добраться до ее сердцевины..." [Торо]. Среди людей, которые *жили философски*, т.е. полностью или частично подчиняли свой жизненный уклад философскому мировоззрению, можно отметить Пифагора, Диогена и Сократа, М. Ганди и А. Швейцера, Л. Толстого и М. Пришвина. При этом следует различать между философией, подчиняющей себе жизнь, и жизнью, подчиняющей себе философию. В последнем случае следует вспомнить о М. Монтене и С. Кьеркегоре, чья философия определялась "эссеистически" и "экзистенциально", т.е. непосредственным опытом проживаемой жизни.

Таким образом, философия, как область универсального, не сводится к мышлению, но охватывает человека в его целостности. Как ни странно, университетский преподаватель или автор книг по философии может быть меньше причастен к универсальному, чем человек, чье философское призвание совершается в области чувств или действий.

В конце концов возникает вопрос: а для чего нужно переживать мир как целое, плакать над ним или смеяться, космически страдать или вселенски ликовать? Этот вопрос сродни другому: для чего нужно мыслить мир как целое, постигать его через взаимосвязь причин и следствий, оснований и целей. Человек, с точки зрения философской антропологии (Макс Шелер), не только соразмерен всему космосу, но и выходит за его предел, что и делает его существом надприродным, духонаполненным, Богообращенным. Философия как раз и выражает эту **сомирность** человека (и даже его **надмирность**, переходящую уже в область религии). Эта **сомерность** человека всему космосу соответствует "**сочеловечности**" космоса, его устремленности к человеку. С конца 20 в. в космологии утвердился антропный принцип, согласно которому вселенная, со всеми своими фундаментальными постоянными, именно такова, чтобы в ней мог возникнуть человек. Согласно некоторым интерпретациям квантовой механики, Вселенная нуждается в наблюдателе, который фиксирует ее квантовое состояние, а тем самым

и превращает ее в реальность. Разумно предположить, что Вселенная нуждается именно в таком существе, которое само могло бы стать вселенским, т.е. охватывать универсум как целое, вбирать его в себе. Антропный принцип в физике требует дополнения *универсальным принципом* в науках о человеке. Если Вселенная такова, что в ней смог возникнуть человек, то и сам человек таков, что в нем может раскрыться вселенная во всем своем масштабе. Если вселенная антропоцентрична, то человек универсоцентричен.

Философия как дисциплина, работающая с универсалиями, с обобщениями самого высокого порядка, в наибольшей степени выражает этот универсоцентризм человека и способствует "омировлению" его мыслей, чувств и действий. Человек не может восходить к мировому только в мыслях и оставаться пленником сиюминутного, бытового в своих чувствах и поступках, поскольку в этом случае он не был бы подлинно универсальным существом. Если мысль движется путем обобщения и восходит к самым широким, всеобъемлющим понятиям, то такой же путь восхождения открыт и чувствам и действиям, хотя нам еще только предстоит выработать адекватный язык для понимания их философичности.

ЛИТЕРАТУРА

Аристотель 1975 – Аристотель. Метафизика (гл. 2), в его кн. Соч. в 4 тт., т. 1, М.: Мысль, 1975.

Кант – Кант И. Критика практического разума (Заключение).
http://philosophy-books.biz/filosofia_trudyi/zaklyuchenie7204.html

Ницше 1990 – Ницше Ф. Так говорил Заратустра, в его кн. Соч. в 2 тт., т.2. М.: Мысль, 1990.

Паскаль – Паскаль Б. Мысли, II, XIII (1669)
www.christianart.ru/pdf_book/Paskal.pdf.

Розанов – Розанов В. Опавшие листья (короб 1).
<http://www.magister.msk.ru/library/philos/rozanov/rozav024.htm>

Торо – Торо Г. Уолден, или Жизнь в лесу (1854).
<http://www.rulit.net/books/uolden-ili-zhizn-v-lesu-read-9982-18.html>